

Помимо этого отсутствует необходимость указания в тексте уголовного закона на нарушение зоотехнических правил, так как меры, обеспечивающие защищенность процесса разведения животных от угроз, связанных с заразными болезнями, как правило, регламентируются ветеринарно-санитарными правилами.

В определенной коррекции нуждается формулировка, использованная законодателем для описания общественно опасных последствий нарушения ветеринарных правил. Под распространением заразных болезней животных в литературе предлагают понимать «заболевание хотя бы одного животного инфекционной или инвазионной (вызываемой животными паразитами) болезнью». Существующая формула общественно опасного последствия в ст. 284 УК формально допускает возможность применения мер уголовной ответственности за распространение болезней, которые не могут причинить существенного вреда жизни и здоровью человека или животного (трихофития (стригущий лишай) и др.). Признак опасности болезни предполагает возможность причинения существенного вреда таким ценностям, как неприкосновенность жизни или здоровью человека, нормальное физическое развитие животного и т. п. Возможный характер вреда от распространения заразных болезней, опасных исключительно для животных (африканская чума свиней), и заразных болезней, опасных (общих) для животных и человека (сибирская язва, птичий грипп), различен. Поэтому в качестве общественно опасных последствий нарушения требований ветеринарно-санитарной безопасности необходимо рассматривать следующую формулу: «заразная болезнь, опасная исключительно для животного» и «заразная болезнь, опасная (общая) для животного и человека». Причем нормативное закрепление перечней такого рода болезней, разработанных с учетом мнения специалистов в области ветеринарии, будет способствовать устранению коллизий в правоприменительной деятельности.

В свою очередь, для целей дифференциации уголовной ответственности полагаем возможным наряду с термином «распространение» использовать формулировку «возникновение». Под возникновением заразной болезни животного необходимо понимать заболевание хотя бы одного животного на территории пункта, благополучного (неблагополучного) по данной болезни. Распространение заразной болезни животного имеет место, если уже существующий очаг заразной болезни получил дальнейшее развитие, т. е. перекинулся на хотя бы одну другую ферму, район и т. п.

Для справедливой оценки экономического ущерба, наносимого рядом опасных болезней животных вследствие нарушения требований ветеринарно-санитарной безопасности, выражаемого в уничтожении поголовья, сносе зданий и сооружений для содержания животных, проведении ветеринарных мероприятий и т. п., следует предусмотреть в качестве квалифицирующего признака в ст. 284 УК причинение ущерба в особо крупном размере, т. е. в тысячу и более раз превышающего размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Для определения единого подхода в науке и правоприменительной деятельности по квалификации нарушений ветеринарно-санитарных правил, повлекших по неосторожности распространение заразной болезни животного, сопряженное с заболеванием или гибелью человека, существует необходимость введения в ст. 284 УК квалифицирующего и особо квалифицирующего признаков – заболевание человека и смерть человека соответственно.

Таким образом, рассматриваемую уголовно-правовую норму мы предлагаем изложить в следующей редакции.

Статья 284. Нарушение требований ветеринарно-санитарной безопасности

1. Нарушение требований ветеринарно-санитарной безопасности, повлекшее по неосторожности возникновение и (или) распространение заразной болезни, опасной исключительно для животного, либо причинение ущерба в крупном размере, – наказывается...
2. То же деяние, повлекшее по неосторожности возникновение и (или) распространение заразной болезни, опасной (общей) для животного и человека, либо заболевание человека, либо причинение ущерба в особо крупном размере, – наказывается...
3. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека, – наказывается...

УДК 343.43

Н.И. Петнёва

О ПРАВИЛАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ

Согласно ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК. В этой связи реализация уголовной ответственности в сфере установления оснований уголовной ответственности должна относиться исключительно к компетенции законодателя, что предполагает минимизацию усмотрения правоприменителя при определении признаков конкретных составов преступлений. Особенно актуально это для уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки, количество которых в действующем уголовном законе по-прежнему достаточно велико. Учитывая невозможность полного отказа от оценочных понятий, следует при конструировании правовых норм использовать определенные правила, позволяющие снизить риск негативных последствий, обусловленных использованием оценочной лексики в УК.

В частности, при разработке «оценочных» статей необходимо избегать использования оценочных понятий в основных составах преступлений. К примеру, «существенный вред» в составе злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) является хотя и альтернативным, но криминообразующим признаком, влияющим на пределы и основания уголовной ответственности. Между тем до сих пор четких критериев разграничения существенного и несущественного вреда, т. е. преступного или непроступного поведения должностного лица, не выработано. Содержание данного оценочного признака в правоприменительной практике раскрывается через такие же оценочные категории, что не способствует единообразному применению данного признака на практике. К составам преступлений, определяющим уголовную противоправ-

ность деяния через оценочные признаки, относится и состав хулиганства (ст. 339 УК). В этой связи Н.А. Лопашенко справедливо отмечает, что речь должна идти только о таких оценочных категориях, которые не влияют на криминализацию деяния. В противном случае их использование в законе должно быть исключено, ибо оно противоречит принципам уголовного закона и уголовной ответственности. Между тем, если без оценочных понятий обойтись невозможно, то, как считают ученые, необходимо выработать критерии, позволяющие в одной уголовно-правовой норме оптимально сочетать оценочные и не оценочные признаки и тем самым сделать сам процесс их законодательного закрепления менее болезненным. Г.Л. Кригер предлагает схему соотношения в уголовном законе понятий точного значения и оценочных понятий: недопущение нескольких оценочных понятий в одной норме; формализация по возможности оценочных понятий в основных составах и целесообразность их закрепления в составах квалифицированных. При этом, как справедливо отметила Е.В. Кобзева, описывая каждое преступное посягательство, законодатель должен соблюдать требование, согласно которому применение оценочных понятий для выражения одних признаков состава преступления должно быть обратно пропорционально их употреблению для выражения других его признаков, подлежащих формулированию при помощи понятий точного характера. С точки зрения М.Г. Жилкина, «было бы нелишним интегрировать предложения по оптимальному соотношению формального и оценочного в законе в некий свод правил или рекомендаций, который мог бы служить ориентиром для совершенствования уголовного законодательства».

Сфера применения оценочных признаков должна быть сужена. По мнению ряда ученых, было бы разумно использовать оценочные признаки лишь применительно к дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Так, В.В. Питецкий убежден, что количество оценочных понятий должно сокращаться в той сфере, где уголовный закон устанавливает основания ответственности. В то же время их использование полезно и потому должно быть достаточно широким в той сфере, в которой уголовный закон дифференцирует объем ответственности за совершенное преступление. Г.Л. Кригер также обращала внимание на целесообразность использования оценочных понятий прежде всего в сфере дифференциации объема ответственности за совершенное преступление. Использование оценочных понятий при конструировании составов преступлений, по ее мнению, не должно приводить к появлению «каучуковых» составов. Речь идет о нормах, «состоящих целиком из оценочных признаков» (М.И. Ковалев); нормах «неопределенного, эластичного содержания, включающих в себя формулировки, в которые может быть вложен различный смысл» (Е.А. Богатых); нормах, «имеющих чрезвычайно расплывчатые, аморфные формулировки, употребляемые законодателем для выражения хотя бы одного оценочного признака криминализируемого деяния» (Е.В. Кобзева). В литературе чаще всего к таким нормам относят составы преступлений, предусмотренные ст. 339 УК «Хулиганство», ст. 428 «Служебная халатность», ст. 141 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», ст. 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями», ст. 188 «Клевета», ст. 189 «Оскорбление» и др.

При конструировании «оценочных» уголовно-правовых норм необходимо исключить возможность использования в одной норме большого числа оценочных категорий, как это было сделано законодателем, например, при определении термина «аффект» (сильное душевное волнение, издевательство, тяжкое оскорбление, иные грубые аморальные действия). Еще один пример. Дефиниция хулиганства была сформулирована в ст. 339 УК с использованием сразу трех оценочных признаков: «грубое нарушение общественного порядка», «явное неуважение к обществу», «исключительный цинизм». Превышение «критической массы» оценочных признаков данного состава преступления, как считает В.В. Марчук, создает предпосылки для применения аналогии уголовного права. В настоящее время состав хулиганства, по мнению ученого, выполняет для судебной практики роль резервной правовой площадки, на которой может разворачиваться расследование и рассмотрение уголовного дела в случае обнаружения правоприменителем очередной неисправности в механизме уголовно-правового регулирования.

Понятия, используемые в тексте уголовно-правовой нормы, должны быть однозначны. Использование двусмысленных понятий и формулировок, обозначение одних и тех же явлений различными терминами может исказить смысл положений законов, что повышает вероятность произвольного применения нормы.

Еще в конце прошлого века основные тенденции по использованию оценочных понятий в составах конкретных преступлений были определены в научном исследовании С.Д. Шапченко. Он предложил заменить оценочные признаки формально-определенными в тех случаях, когда нефиксированность их содержания уже преодолена в теории уголовного права и судебной практике; исключить хотя бы некоторые оценочные понятия из излишне «оценочных норм»; особо осторожно использовать оценочные признаки в тех составах конкретных преступлений, которые отражают деяния, по степени общественной опасности граничащие с неправомерным поведением, включающие такие признаки преимущественно в квалифицированные виды соответствующих составов преступлений; широко использовать на законодательном уровне возможности частичной конкретизации оценочных признаков.

УДК 343.2

Е.А. Реутская

О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБОЗРИМЫХ ГРАНИЦ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Уголовно-правовое пространство в настоящее время эволюционирует, изменяясь как по содержанию, так и по объему в сторону увеличения, оказывая влияние на различные сферы деятельности общества. Эффективность регулирования общественных отношений напрямую зависит от качества подготавливаемых законопроектов, которое остается невысоким, в том числе, по причине отсутствия в отдельных отраслях права законодательного регулирования процесса подготовки нор-